

ПРОБЛЕМА «УРОЧНЫХ ЛЕТ» В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Концепция «урочных лет», якобы применявшихся для сыска беглых крестьян в России конца XVI в., не обладает всеми признаками доказательности. Связанный по своему происхождению с отношениями в сфере кредита, термин «урочные годы» был впервые употреблен в источниках для обозначения сыска беглых только в 1630-х гг. Указ 1597 г. не предполагал распространения пятилетнего срока сыска беглых крестьян на будущее, а лишь начал отчет времени подачи иска в суд с ноября 1592 г. Система закрепощения в России начала XVII в. была неустоявшейся, и периоды безусловного запрещения выхода крестьян прерывались годами, когда переходы крестьян были разрешены.

Ключевые слова: «Урочные годы», крестьянин, бобыль, «сыск» беглых, иск, суд, закрепощение, переход крестьянина.

V. Arakcheyev

PROBLEM OF THE “STATUTE OF LIMITATION” IN THE RUSSIAN STATE OF THE LATE 16th – EARLY 17th CENTURIES

The conception of the “urochniye gody” (statute of limitation), allegedly administered for search of runaway peasants in Russia of the late 16th century, can not be considered fully convincing. The term “urochniye gody”, which originally relates to the sphere of credit, was first used to indicate the search of runaways not before the 1630s. The ukase of 1597 did not presume future extension of the five-year term of runaway search, but only benchmarked the time of suing from November 1592. The system of enslavement in Russia of the early 17th century was yet unsettled and periods of complete enslavement were interrupted by spans of permitted peasants’ transfer.

Key words: “urochniye gody” (statute of limitation), peasant, “bobyly” (poor peasant), search of runaways, action, court, serfdom, peasant’s transfer.

Вопрос об урочных и выходных годах и их месте в закрепощении сельского населения является одним из наиболее разработанных в

русской исторической науке. Подробный свод историографических мнений был представлен в комментариях к академическому из-

данию законодательных актов, что избавляет нас от необходимости делать полный историографический обзор [10, с. 67–73]. Внешняя особенность процесса закрепощения в России состояла в том, что на протяжении конца XVI – первой половины XVII в. в дошедших до нашего времени царских указах молчаливо предполагался запрет на переходы крестьян, которые на практике продолжали осуществляться. Очевидно, что переходы крестьян в это время были введены в определенные границы, и одна из кардинальных проблем исследовательской работы состоит в выяснении существа этих границ. Задача настоящей статьи состоит, во-первых, в изучении того, когда зародилось понятие «урочных лет» и что оно обозначало, и во-вторых, в чем состояла сущность режима сыска беглых по указам 1594–1602 гг.

До настоящего времени в существующих научных исследованиях нет определенного мнения о сущности явления урочных лет. Вопрос о времени введения урочных лет также остается предметом дискуссии уже в течение столетия. В середине XX в. А.А. Новосельский и Г.Н. Анпилов обосновывали точку зрения о том, что урочные годы как пятилетний срок сыска беглых применялись лишь в первой половине XVII в., скорее всего, с 1619 г. По их мнению, царские указы рубежа XVI–XVII вв. подразумевали лишь обратную исковую давность, т. е. отсчитывали срок сыска беглых с определенной в указе даты [15; 3]. Для того чтобы выяснить, применимо ли к практиковавшемуся на рубеже XVI–XVII вв. сыску беглых понятие «урочных лет», необходимо ответить на вопрос: когда в законодательной практике начинает использоваться это понятие и в чем состоит сущность этого феномена?

Общепринятое в науке мнение об урочных годах состоит в том, что их главным свойством была повторяемость. Урочные годы, будь то 5-летний срок возврата беспроцентной ссуды, или 40-летний срок выкупа родовых вотчин, всякий раз начинали отсчитываться от момента совершения сделки. Урочные годы, по мнению исследователей, не были обусловлены конкретными датами [10, с. 67–73]. Так ли это? Действительно, по своему происхождению,

термин «урочные лета» не связан с закрепощением. Первые упоминания этого термина в Судебнике 1550 г. и указах 1555–1558 гг. позволяют говорить об урочных годах как о сроке реализации права вообще, например, права на выкуп вотчины или на беспроцентный возврат долга [21, с. 134, 307].

Однако достаточно ли этого общего сообщения для того, чтобы проводить аналогии между явлением урочных лет, касавшихся выплаты долга, и феноменом урочных лет, относящихся к сыску беглых крестьян? Указы 1557 и 1558 гг. касались служилых людей и, отличаясь от указов о беглых крестьянах конца XVI – первой половины XVII в. по тематике, были схожи с последними по сословной направленности. Ведь указы о беглых крестьянах и выходных годах тоже непосредственным образом затрагивали интересы служилых людей как помещиков, а значит, они могут быть рассмотрены как отражение предшествующей административно-правовой практики.

Судя по сохранившимся актам, впервые урочные годы фигурируют в указах о займах (ростовых кабалах) 1555, 1556, 1557 и 1558 гг. [11, с. 35, 38, 47, 49]. В грамоте наместнику Великого Новгорода от 29 июля 1555 г. упоминаются урочные лета, в течение которых жители Новгородской земли могли выплачивать долги без роста. В грамоте новгородским дьякам от 14 января 1556 г. говорится о том, что эти «урочные лета» уже «отошли», т. е. прекратили свое действие [11, с. 35, 38]. По этим фрагментарным упоминаниям можно судить о том, что урочные годы представляли собой законодательно определенный хронологически ограниченный срок, вводившийся распоряжениями правительства и не распространявшийся на будущее время.

В указе от 25 декабря 1557 г. говорится о предоставлении служилым людям привилегии выплачивать долги «на прошлые лета» и в течение пяти лет до 25 декабря 1562 г. без процентов. Лишь в случае невыплаты долга служилым человеком указ предусматривал взимание с него процентов в половинном размере и правех: «А у кого которые служивые люди учнут займовати деньги в рост, а хлеба в насы в

те правожные пять лет, а до урочных лет в тех в новых долгах не выплатитца, и вперед от лета 7071-го новые долги на служивых людей взятии истина вся сполна да вполы на деньги рост, а на хлеб вполы насоп, как идет – на пять шестой – и правож на них давати во всем долгу всегда» [11, с. 47].

Указ от 11 января 1558 г. предусматривал значительные льготы служилым людям, заложившим на пятилетний срок свои вотчины. Отныне, вернув пятую часть долга, заемщик возвращал вотчину себе и выплачивал долг по частям: «А взятии на заимщике на первой год заемных денег по розчету на пятой жеребей, а отчина отдати тому, кто закладывал; а вперед тем заимщиком велети платитися по годом и до урочных лет безпереводно ежегод» [11, с. 49]. Как видим, оба указа под урочными годами подразумевают определенный, заранее обусловленный срок – с 25 декабря 1557 г. по 25 декабря 1562 г. – и не предполагают автоматического продления действия этого пятилетнего срока в будущем. Следовательно, исходное значение термина «урочные годы» было тождественно понятию «определенный срок», который мог обозначать и срок, обусловленный конкретными датами, и срок давности, повторявшийся всякий раз при возникновении нового казуса.

Понятие «урочные годы» применительно к беглым крестьянам впервые было употреблено в челобитной дворян и детей боярских от 3 февраля 1637 г. и царском указе от 20 февраля 1637 г. об установлении срока сыска беглых крестьян служилых людей. По тексту указа видно, что усвоение термина «урочные лета» по отношению к сыску беглых крестьян произошло не сразу. Дважды в тексте 5-летний срок сыска назван «указными летами»: «и как де указные пять лет пройдут, и они де, всяких чинов люди, тех их беглых крестьян привозят в ближние свои поместья и вотчины»; «и волочат их московскою волокитою, надеясь на указные на пять лет». Лишь в резолютивной части указа находится формулировка, содержащая термин «урочные лета»: «и велел бы государь те урочные пять лет отставить, а велел бы государь беглых их крестьян и людей от-

давать им по писцовым и по отдельным книгам, и по выписям, и по крепостем» [11, с. 176]. В указе же 1641 г. об установлении 10-летней давности для сыска беглых крестьян эта давность уже носит наименование исключительно урочных лет» [11, с. 197].

В современной исторической науке, однако, урочными летами именуется также 5-летний срок сыска, известный по указам конца XVI в. Впервые такую терминологическую подмену осуществил М. Ф. Владимирский-Буданов в третьем издании «Обзора истории русского права». В дополнениях к части 1 этой книги, опровергая показания дворянской челобитной 1642 г., Владимирский-Буданов писал: «Урочные годы, несомненно, были установлены в 1597 г. и существовали в 1641 г.» [7, с. 300]. Характер аксиомы это мнение приобрело в книге Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси», где автор писал: «урочные годы, т.е. сроки, ограничивающие право помещика на разыскивание беглых крестьян, ... впервые установлены были 24 ноября 1597 г.» [8, с. 912]. Несмотря на возражения А. А. Новосельского и Г. Н. Анпилогова применение понятия «урочные лета» по отношению к срокам сыска, установленным указами 1590-х гг., стало устоявшимся в современной науке [17; 2].

Выяснив происхождение и значение понятия урочных лет, перейдем к решению второй задачи – исследованию закрепостительной практики в конце XVI – начале XVII в. Проанализируем наиболее ранний указ, в котором, как предполагают некоторые историки, впервые упомянуты урочные годы применительно к проблеме сыска беглых крестьян. В. И. Корецкий ввел в научный оборот два судебных дела из фонда Новгородской приказной избы 1593–1595 гг. Первое дело было возбуждено по поданной 5 июня 1594 г. челобитной помещика Обонежской пятины П. Арцыбашева, который обвинял помещика А. Бухарина в свозе из общей деревни Телицыно Раменье крестьян и бобылей, утаенных от писцов. В ответной челобитной А. Бухарин изложил суть дела иначе, заявив, что он назвал крестьян и бобылей на пустую деревню еще в 1583 г., одиннадцать лет назад. Поэтому Бухарин требовал оставить

за ним вывезенных крестьян на основании царского указа: «А ныне твой государев указ: старее пяти лет во владенье и в вывозе суда не давати и не сыскивати» [12].

Аналогичная формулировка содержалась в выписке из царской грамоты по делу помещика С. Т. Молеванова от 3 мая 1594 г.: «Да и вперед бы всяким челобитчикам о крестьянском владенье и вывозе давати суд и управу за пять лет, а старее пяти лет суда и управы в крестьянском вывозе и во владенье челобитчиком не давати и им отказывати по таким челобитьям» [12]. В. И. Корецкий был склонен считать, что закон о 5-летнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе не был самостоятельным, специально изданным указом. «Имеется больше оснований, — писал Корецкий, — видеть здесь одно из постановлений общего закона царя Федора о запрещении выхода, чем самостоятельный указ» [14, с. 144]. Как известно, Корецкий считал, что этот «общий закон» появился в 1592–1593 гг. Г. Н. Анпилов не немедленно отверг такую трактовку, однако его позиция в данном вопросе оказалась невнятной. Анпилов признал, что «грамота имела силу закона, которым устанавливалась пятилетняя давность по делам о владении крестьянами и их вывозе», но тем самым он подтвердил, что, по крайней мере, с 1594 г. в России были установлены «годы», аналогичные позднейшим «урочным» [3, с. 164].

Спустя три года в Русском государстве был издан указ, сохранившийся в полном объеме, с которого многие исследователи отсчитывали начало крепостительного процесса. Это указ от 24 ноября 1597 г. о праве иска о крестьянах, бежавших не далее 5 лет до 1597/98 г. [11, с. 66]. Указ постоянно привлекал к себе внимание исследователей, начиная с его первого публикатора В. Н. Татищева [22, с. 366]. Все историки комментировали указ, сопоставляя его с последующими и предыдущими крепостительными мероприятиями правительства в отношении частновладельческих крестьян. Неудивительно, что после открытия документов с упоминаниями «заповедных лет» указ 1597 г. оказался в тени. Поскольку предметом дискуссии в начале XX в. было соотношение заповед-

ных и урочных лет, Б. Д. Греков выразил традиционную точку зрения о том, что указ 1597 г. ввел и распространил на будущее пятилетнюю давность исков на беглых крестьян [8, с. 874].

В. И. Корецкий, открывший документы с упоминанием указа о 5-летнем сроке сыска крестьян, датированном не позднее 5 мая 1594 г., переоценил значение указа 1597 г. Он писал, что «указ 24 ноября 1597 г. ... не имел того большого принципиального значения в общем ходе крестьянского закрепощения в России в конце XVI — начале XVII в., какое ему придавалось в исторической литературе», хотя и считал, что этим указом 5-летний срок подачи исковых челобитных был распространен на беглых крестьян [14, с. 144]. Напротив, Г. Н. Анпилов утверждал, что введенная указом 5-летняя давность была обратной и на будущее время не распространялась. В его концепции указ 1597 г. также не занял важного места в крепостительном процессе [3, с. 168].

Точка зрения Р. Г. Скрынникова на роль указа в формировании крепостного права отличается оригинальностью. Он считает, что хотя «с формальной точки зрения указ 1597 г. не вносил ничего принципиально нового в предыдущее законодательство о крестьянах», он сыграл важную роль в закрепощении. Указ, во-первых, содержал подробно разработанное положение о сыске и возвращении беглых, и, во-вторых, в отличие от предшествующих временных распоряжений правительства, этот указ вводился без ссылок на возможность его скорой отмены [18, с. 314–315]. Верно ли первое наблюдение Скрынникова, что указ 1597 г. преобразовал существовавший ранее правопорядок? Верно ли, что указ носил постоянный характер и распространялся на будущее время?

Эти тезисы представляются сомнительными прежде всего в силу того, что они не основаны на прямом содержании указа. Резолюция указа гласит: «Которые крестьяне из-за бояр, и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за детей боярских, и из-за всяких людей из поместий, из вотчин, и из потриарховых, и из митрополичьих, и из владычных, и из монастырских вотчин выбежали до нынешняго 106-го

году за пять лет, и на тех крестьян в их побеге и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они, выбежав, живут, тем помещиком и вотчинником из-за кого они выбежали, и патриаршим и митрополичьим, и владычным детем боярским, и монастырских вотчин прикащиком и служкам давати суд и обыскивати всякими сыски накрепко, а по суду и по сыску велети тех беглых крестьян з женами и з детьми и со всеми их животы возити назад, где хто жил» [11, с. 66]. Из текста указа с несомненностью следует лишь то, что крестьяне, бежавшие из вотчин и поместий в период времени после 24 ноября 1592 г., по результатам процедуры опроса обыскных людей и суду подлежали возврату на прежние места жительства.

Совершенно невозможно согласиться с Р. Г. Скрынниковым в том, что указ содержит детально разработанное положение о сыске и возвращении беглых. Фрагменты несохранившегося указа ранее 4 мая 1594 г. содержат гораздо более определенное положение о даче суда на вывезенных крестьян не более, чем на пять лет, и в дальнейшем («и вперед»). Положения указа 1597 г. можно трактовать двояко, и в этом смысле он уступает по своей ясности и определенности цитированным фрагментам. Введенное в научный оборот В. И. Корецким дело 1591 г. помещика Д. И. Языкова о беглых крестьянах показывает, что уже тогда, за 6 лет до интересующего нас указа, процедура сыска и возвращения беглых была аналогична процедуре, предписанной в указе 1597 г. [14, с. 321–330]. Значит ли это, что следует вернуться к мнению В. И. Корецкого о том, что изучаемый указ не оказал существенного влияния на процессы закрепощения в России?

Значительность указа 1597 г. как источника по истории закрепощения обнаруживается на иных линиях его исследования, уводящих, на первый взгляд, в сторону от его содержания. В указе рассматривается положение исключительно частновладельческих крестьян и ни слова не говорится о крестьянах дворцовых и чернососных, а также посадских людях, чье положение в это время изменялось в подобном направлении. Сущность указа 1597 г. может быть прояснена лишь сравнением правового

положения этих двух больших групп тяглых людей. В отдельном исследовании автора этих строк доказывается, что в начале царствования Федора Ивановича (март 1584–июнь 1585 г.) в Русском государстве начал осуществляться комплекс мероприятий по сыску и возвращению в тягло беглых посадских людей, чернососных и дворцовых крестьян. Правовые нормы наказов действовали однонаправлено: они обязывали осуществлять сыск черных тяглецов «где ни буди», в том числе и на частновладельческих землях, но не предполагали сыск частновладельческих крестьян на посадах и в черных волостях [4, с. 137–138]. Об этом недвусмысленно свидетельствует наказ писцам Галицкого, Чухломского и Солигалицкого уездов Ю. И. Нелединскому и Л. Сафонову от 30 июня 1585 г. [1, с. 156–158].

Второй сохранившийся от царствования Федора документ с известием о сыске беглых посадских людей – список с царской грамоты к Соли Галицкой воеводе И. Ильину от 30 июля 1596 г. Этот документ содержит предписание о сыске и вывозе на посад беглых тяглецов: «вышедших сыскать всех с женами и з детьми и со всеми их животы и вывезти на посад в старые их тяглые дворы, где хто наперед того жил и на поруки их з записьми подавать в том, что им всякие наши подати платити с посадцкими людьми ровно и с посаду вон ни за кого не выходить и в закладчиках ни за кем не жити» [20, с. 139]. Грамота к воеводе Соли Галицкой 1596 г. интересна еще и тем, что ее формулировки дословно повторяют определения наказа писцам Соли Галицкой 1585 г. Значит, спустя 11 лет после начала описания на галицких посадах действовали нормы, заложенные в писцовом наказе, и прежде всего бессрочный сыск тяглецов.

Беглые дворцовые крестьяне в это время также подлежали сыску и свозу на прежние места жительства, о чем свидетельствует наказ городовому приказчику Ю. Лобанову от 28 ноября 1596 г. В наказе говорится, что «в прошлом де в 104-м году прислан в Арзамас Парфен Нефимонов, а велено ему сыскивати государевых ... арзамасских дворцовых сел беглых крестьян и вывозить в государевы ... двор-

цовые села». Кроме того, упомянутый сыщик правил на помещике Я. Миленине за беглого крестьянина «на прошлые годы на десять лет денежных доходов и посопного хлеба» [5, с. 129]. Уже публикатор этого документа С.Б. Веселовский разъяснил коллизию ситуации, когда помещик утверждал, что крестьянин прожил в его имении 21 год, а сыщик Нефимонов полагал, что крестьянин вышел из дворцового села позже, возможно, всего 10 лет назад, не ранее 1586 г. [6, с. 43]. Веселовский связывал запрет на переход с введением заповедных лет в 1581 г., но такой вывод из документов не следует. При существующей источниковой базе наиболее вероятным будет заключение о том, что в арзамасском наказе отразилась норма о лишении дворцовых и чернососных крестьян права выхода особым постановлением в 7093 (1584/85) г., и к моменту издания наказа от 28 ноября 1596 г. сыск дворцовых крестьян оставался бессрочным.

Значение указа от 24 ноября 1597 г. состояло в том, что правительство подтвердило особый порядок разрешения конфликтов о крестьянах на почве частного владения населенными землями. Как и прежде, вотчинники и помещики должны были подавать иски, добиваться организации опроса «обыскных людей» и возвращения беглых по суду, причем крестьяне, бежавшие до 24 ноября 1592 г. сыску и возвращению не подлежали. Положение о прикреплении дворцовых крестьян наряду с чернососными к тяглу впервые в качестве законодательной нормы появилось в общегосударственном законе от 28 ноября 1601 г. Это знаменитый указ Бориса Годунова, разрешавший вывоз крестьян служилыми людьми, на условиях Судебника 1550 г. (в сроки Юрьева дня и с выплатой пожилого). Указ неоднократно комментировался в литературе [10, с. 90–95].

Для нас наибольший интерес представляет перечень тех категорий землевладельцев, на которых указ не распространялся. «А в дворцовые села, и в черные волости, (здесь и далее курсив мой. — В. А.) и за потриарха, и за митрополиты, и за архиепискупы, и за владыки, и за монастыри, и за бояр, и за околничих, и за дворян болших, и за приказных людей, и за дия-

ков, и за столников, и за стряпчих, и за голов стрелетцких, и из-за них в нынешнем во 110-м году крестьян возити не велети» [11, с. 70]. Данное положение комментировалось главным образом в той его части, которая касается крупных землевладельцев-феодалов. Так, В. И. Корецкий заметил, что «крупные... землевладельцы, представители администрации черных и дворцовых волостей были исключены из процесса вывоза, так как могли подавить мелких и средних помещиков» [13, с. 165]. Понятно, что замечание исследователя относится скорее к крупным землевладельцам, нежели к дворцовым и чернососным волостям, которые чаще становились жертвой стяжательства помещиков.

Очевидно лишь то, что дворцовые крестьяне наряду с чернососными к 1601 г. считались прикрепленными к тяглу. В следующем 1602 г. указ был повторен, причем дворцовые и чернососные крестьяне в нем не были упомянуты, но содержалось категорическое постановление о том, чтобы «возили б крестьян промеж себя те все люди, которым велено возити во 110-м году» [11, с. 71]. Логично заключить, что и по указу 24 ноября 1602 г. отмеченные категории крестьян не пользовались правом выхода. С. Б. Веселовский считал, «что и в следующем 112-м году в третий раз дан был указ о выходах», не сохранившийся [6, с. 43]. У нас нет оснований считать, что третий указ должен был отличаться от двух предыдущих. Таким образом, факт прикрепления к тяглу дворцовых и чернососных крестьян в начале XVII в. можно считать бесспорным, равно как и сохранявшийся в то время бессрочный сыск беглых из их среды.

Данный вывод дает ответ на вопрос, стоявший перед многими исследователями этих указов: какую процедуру подразумевали указы 1601 и 1602 гг. — «выход» крестьян, или их «вывоз» землевладельцами [9, с. 15–17; 19, с. 65; 16, с. 266]. Коль скоро выход крестьян из дворцовых и чернососных волостей уже не практиковался, любые переходы частновладельческих крестьян трактовались в законе и приобретали форму их вывозов землевладельцами. В. И. Корецкий был прав, когда писал, что

необходимо «различать так называемые законные крестьянские выходы и вывозы... по указу 1601 г. ... от стихийных крестьянских выходов и насильственных вывозов, осуществлявшихся вопреки этим правилам» [13, с. 159].

Подводя итог исследованию закрепостительной практики в России на рубеже XVI–XVII вв., следует отметить, что процесс закрепощения развивался отнюдь не однолинейно, а двумя параллельными путями. В то время, когда правительство изыскивало способы оптимизировать систему сыска частновладельческих крестьян («заповедные годы»), с 1584/85 г.

существовала система сыска и возвращения в тягло дворцовых и черносошных крестьян писцовыми комиссиями. Временно и территориально ограничив срок сыска пятью годами не позднее 4 мая 1594 г., правительство Бориса Годунова издало указ 1597 г., обобщив практику возвращения беглых крестьян через суд. Законодатели, однако, не расценивали свои новации как раз навсегда установленные правила, и «выходные годы» в 1601 и 1602 гг. были не исключением из этих правил, а тоже одной из форм административной практики в чрезвычайных условиях великого голода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т.1. М., 1997.
2. Андреев И. Л. Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве // История СССР. 1982. № 1. С. 142–148.
3. Анпилогов Г. Н. К вопросу о законе 1592–1593 гг., отменившем выход крестьянам и урочных летах в конце XVI – первой половине XVII в. // История СССР. 1972. № 5. С. 160–170.
4. Аракчеев В. А. Заповедные годы на Северо-Западе России: историография, источники, методы исследования // Отечественная история. 2004. № 3. С. 128–140.
5. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) М., 1915.
6. Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978.
7. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1900.
8. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., Л., 1946.
9. Дьяконов М. А. Заповедные и выходные лета. Пг., 1915.
10. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Комментарии. Л., 1987.
11. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. М., 1986.
12. Корецкий В. И. Новгородские дела 90-х гг. XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 316–318.
13. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.
14. Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба во второй половине XVI в. М., 1970.
15. Новосельский А. А. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 178–185.
16. Панях В. М. К вопросу об указе 1601 г. // Проблемы источниковедения. Т. 9. М., 1960. С. 260–270.
17. Скрынников Р. Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича // История СССР. 1973. № 1. С. 99–129.
18. Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975.
19. Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. М.; Л., 1951.
20. Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913.
21. Судебники XV–XVII вв. М.; Л., 1952.
22. Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7.